

ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАУКУ

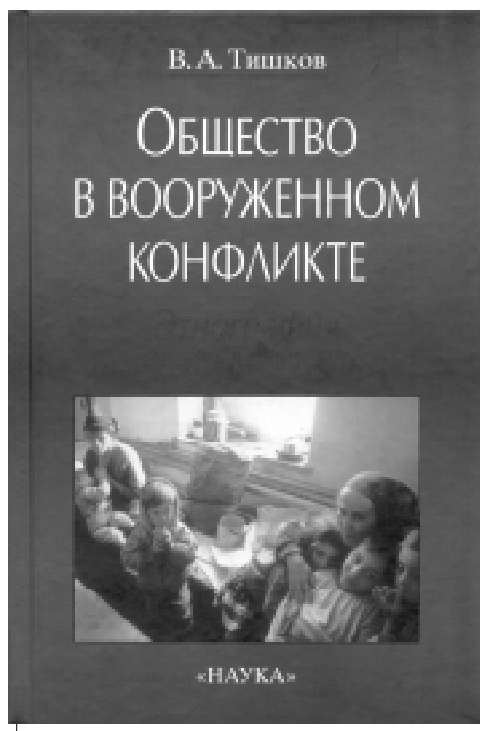
Рецензия на монографию профессора В.А. Тишкова
«Общество в вооруженном конфликте
(этнография чеченской войны)». Москва: Наука, 2001, 552 с.

Среди исследовательских проблем, представляющих научно-практический интерес общероссийского и регионального значения, в настоящее время особую актуальность приобретает осмысление сущности и характера национальной политики государства в одном из важнейших его регионов – на Северном Кавказе, ибо здесь видятся причины многих социальных, политических, межнациональных конфликтов, сотрясающих современное общество. И одним из таких конфликтов является Чеченская война, продолжающаяся с ноября 1994 года по настоящее время. Она не могла не затронуть глубочайшие основы жизни человека, общества, наций – этносов, особенно чеченского народа, и государства.

Проблеме чеченской войны посвящены сотни академических статей, многие тысячи газетных публикаций и десятки крупных монографий. К числу последних относится и рецензируемая книга «о социально-культурной динамике общества, ввергнутого в вооруженный конфликт». В ней анализируется ситуация в Чеченской республике в период так называемого чеченского кризиса или чеченской войны.

Работа В.А. Тишкова принципиально отличается от исследований других авторов. В ней предлагается версия чеченской

войны, выполненная в основном в дисциплинарных рамках соци-

ально-культурной антропологии. «Это не описание войны, а скорее ее этнография – этнография чеченского конфликта, которую до этого никто не изучал, хотя она того, безусловно, заслуживает». (с.9).

Разумеется, вряд ли одному автору удастся «собрать все вместе и связать», чтобы получилась цельная картина войны. И нельзя не согласиться с В.А. Тишковым в том, что его «версия лишь увеличит интеллектуальный разброд и продолжающиеся дебаты». В книге ставится конкретная цель – «донести прямые голоса участников драмы, их собственные версии пережитого и дать свое понимание рас-

сказанных историй скорее как комментариев на страницах полевого дневника» (с.10). Автор предпринял серьезную попытку выполнить, базируясь на этнографическом методе, научный анализ феномена общества, оказавшегося вовлеченным в глубокий насильственный конфликт, и на основе нового знания сделать теоретические выводы, имеющие значение для науки и общества.

Основные положения рецензируемой монографии сводятся к следующему. Автор старается показать самих чеченцев, чеченское общество, уникальную чеченскую цивилизацию. В книге есть разные чеченцы, хотя, может быть, они не представляют всех чеченцев, если иметь в виду некую социологическую совокупность. Говоря о цивилизационном разломе общества, В.А. Тишков подчеркивает: «Схожесть чеченцев с остальным населением страны, прежде всего с русскими, гораздо больше, чем их отличительность. Эта общность ценностных ориентаций, личных стратегий людей и даже культурного поведения существовала как до конфликта, так и после него» (с. 46).

По мнению автора, помимо историко-культурного и социально-политического планов, чеченский конфликт включает в себе решающие по значимости элементы личностного, эмо-

ционального и морального воздействия. В подтверждение он приводит конкретный пример крайне персонифицированного характера, который обрел конфликт, особенно в решающий момент. В монографии справедливо определяется огромная мобилизующая и сражающаяся сила средств массовой информации. СМИ рассматриваются как участники конфликта. Примечательным в представленной монографии является то, что автор, рассматривая историографический и теоретический контекст исследования, выделяет и объясняет один из его основных концептуальных тезисов – идею демодернизации общества, переживающего глубокий насильственный конфликт. По мнению автора, «важнейшим признаком состояния демодернизации можно назвать узурпацию ментального мира упрощенными и ограниченными версиями происходящего, как в прошлом, так и настоящем» (с. 52). Наряду с этим выделяются и другие признаки демодернизации, на которых не будем останавливаться.

В третьей и четвертой главах автор освещает социально-культурную эволюцию чеченцев как этнической общности, а также как части населения Чечено-Ингушетии, затем Чеченской республики и остальной страны. По мнению В.А. Тишкова, взгляд на историю чеченцев в XX в. слишком политизирован, и он пытается это обосновать, он против однозначной оценки событий в жизни чеченцев, в чем нельзя не согласиться с ним.

Как известно, государство никогда не поступалось своими основополагающими принципами в угоду какой-то одной малочисленной нации. Отдельные действия личности, нации не-

редко поощряет само государство. И, говоря о противоречиях демодернизации общества, В.А. Тишков приходит к выводу, что «государство как бы само продолжало поощрять потенциальное чеченское диссидентство, которое только ждало своего момента для публичного давления» (с. 122).

Далее автор анализирует содержание чеченской идентичности, влияние насильственного конфликта на формирование групповой этнической идентификации. Под последней он подразумевает чувство групповой принадлежности по культурным признакам. По его мнению, «важнейший компонент современной чеченской идентичности составляет комплекс народа-изгоя, или синдром нации, пережившей геноцид» (с. 146). Наряду с этим автор серьезное внимание уделяет внутричеченским диспозициям, зафиксировав раскол чеченцев на плоскостных и горных.

В книге рассматриваются как внутренние, так и внешние версии о чеченцах.

Именно скудное знание о чеченцах остального населения страны стало благоприятной почвой для формирования античеченских настроений в результате обрушившегося на обывателя с начала 1991 г. информационного потока. Эта информация была тревожного или откровенно негативного характера. В итоге сформировались два представления о чеченцах: 1 – как о смелых, гордых, независимых, непокорных, культурнее «других», людях; 2 – как о тоже радикально «других», но со знаком минус: воинствующих, фанатичных, жестоких и нечестных людях (с. 197).

Автор освещает также проблему амбиций лидеров разных

властных уровней и последствия их ставки на силовое решение сложных политических и национальных вопросов. В.А. Тишков не уходит от анализа сути противостояния центра и региона, противоборства лидеров и т.д. Он резко осуждает отдельные действия центральной власти и при этом подчеркивает, что «чеченский кризис активизировал проявления русского и периферийного национализма» (с.234). В центре возобладали сторонники силового подхода в деле сохранения единой России, что привело к весьма трагическим событиям.

Мы полностью солидарны с В.А. Тишковым в том, что «в доктринальном и в политическом плане «национальная независимость» Чечни была подготовлена и легитимизирована российской идеологией и политической практикой тех лет, когда многим представлялось, что вместо улучшения правления есть более естественный и простой путь осуществления демократических преобразований – это путь суверенизации на этнической основе» (с.241).

Читая книгу В.А. Тишкова, все больше убеждаемся, что насилие по воле амбициозных лидеров страны – не лучший метод решений возникающих проблем. И в первую очередь вина за кровопролитные конфликты в бывшем СССР, а затем в суверенной России лежит главным образом на двух президентах (к счастью, бывших – *В.Дз., Т.Б.*) – М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине.

Прав В.А. Тишков, утверждая, что «Ельцин оказался в политическом и эмоционально-психологическом смысле такой же неподготовленной личностью и со столь же плохой обеспеченностью экспертизой в об-

ласти управления страной и разрешения в ней сложных конфликтов» (256). Однако до сих пор никто не понес ответственности за вину в возникновении столь страшной трагедии, как Чеченская война. И Ельцин, и Дудаев бряцали оружием вместо того, чтобы сесть за стол переговоров. Каждый из них возомнил себя вершителем судеб народов, которые в итоге утопили в слезах и крови сотен тысяч невинных людей – женщин, детей, стариков.

В книге рисуется образ чеченских боевиков и российских солдат, говорится о жестокости воюющих сторон и т.д. Автор акцентирует внимание на влиянии динамики событий на поведение их участников в момент, когда происходит массовый выход граждан из правового пространства и начинается открытое насилие.

Не обойдены стороной самые разные аспекты проблемы «семья и конфликт». Автор прослеживает процесс изменений в чеченской семье, как на нее влияет конфликт, – социально-экономические, религиозные, морально-психологические и другие факторы. Он создал портрет современной чеченской семьи со всеми ее проблемами.

Освещая проблему религии и конфликта, В.А. Тишков пришел к выводу, что «конфликт и война усилили роль религиозного фактора во всех его проявлениях (от бытового до политико-государственного и даже международного), но никак не сделали чеченцев «мусульманским народом», представителями некой исламской или восточной, а тем более мифической «кавказской» цивилизации» (с. 347).

Автор прав, что не разделяет тезис о природной жестокости

чеченцев и о низкой цене человеческой жизни. Он опровергает преувеличения и другого характера, подчеркивая при этом бессмысленность войны и ее ужасы. В.А. Тишков смотрит на войну в какой-то степени с точки зрения самих чеченцев. Автор попытался разобраться также в социально-культурной динамике заложничества, хотя эта проблема является сложной для социокультурного анализа. Как показала практика, отсутствие четкой позиции государства по вопросу заложничества лишь поощряло бандитов.

Большой интерес представляют материалы, создающие картину Чечни после 1996 г. Анализируя не только российский, но и мировой опыт выхода из конфликтных ситуаций, В.А. Тишков делает вывод о необходимости признания «общих страданий и нанесенного ущерба конфликтующими силами». Он также склонен считать, что чеченский конфликт оказался узурпирован политизированным мифомедийным дискурсом. «Чеченцы не были едины в борьбе против Москвы, а российское общество также разделилось в своем отношении к этой разрушительной войне» (с.510).

В целом же В.А. Тишков не приемлет клише «Россия и Чечня». Автор провел весьма плодотворную работу. В ее основу положено более 100 интервью с участниками событий (политическими деятелями, чеченскими боевиками, беженцами, представителями всех слоев чеченского общества). В книге нашли отражение новейшая история, культура и семейно-родственные отношения чеченцев, формирование идеологии национализма и сепаратизма, анатомия заложничества и торговли людьми, эска-

ляция насилия, характер политического режима в этом регионе и т.д.

Вместе с тем в рецензируемой монографии имеются отдельные погрешности, неточности, спорные положения. Так, например, принципиально дискуссионным является утверждение автора, что «по своей изначальной форме и политико-правовой сути конфликт в Чечне является вооруженным мятежом против федеральной власти Российской Федерации со стороны одного из этнотерриториальных автономных образований» (с. 7).

Бывшая Чечено-Ингушская АССР (а впоследствии Чечено-Ингушская Республика и Чеченская Республика – Ичкерия) признавалась Конституцией страны «национально-государственным образованием в составе Российской Федерации», а не просто «этнотерриториальным автономным образованием». Здесь проблема не в терминах, а в сути. Сомнения вызывают и цифры о потерях и беженцах, приводимые на страницах 8-9.

На наш взгляд, мнение 100 человек – это еще не позиция народа, численностью более 1 млн. человек. К тому же и формулировки названий глав, параграфов не носят глубоко научного характера. Они больше смахивают на стиль публицистики. Автор сам отмечает как одну из слабостей своей работы то, что у него не было необходимого прямого доступа к изучаемому объекту. Не участвуя в экспертных работах определенное время, он упустил многие аспекты проблемы. К тому же акцент делается на мнении пророссийски настроенных личностей, которые по тем или иным причинам отошли от активной жизни чеченского общества.

Справедливо рассеивая различные мифы о чеченцах, В.А. Тишков почему-то отвергает право нации на самоопределение. Это достаточно спорное положение.

Встречаются неточности следующего характера: «дагестанского президента Магомедова» (с.196) – в Дагестане пост председателя Госсовета.

Ограничиваясь высказанным, отметим, что автору рецензируемого исследования и

вправду «трудно рассчитывать на однозначную позитивную реакцию» со стороны читателей.

Однако, справедливости ради, подчеркнем, что в целом солидная монография профессора В.А. Тишкова является серьезным вкладом в современную отечественную науку. Можно быть уверенным, что к рецензируемой монографии будут обращаться не только российские, но и зарубежные исследователи

чеченской войны, ряды которых будут пополняться. Мы также надеемся, что ученые, анализирующие предысторию, историю и последствия чеченской трагедии, будут такими же компетентными, ответственными и взвешенными в своих оценках, как профессор В.А. Тишков.

Особый интерес книга представляет для этнополитологов, а также для всех, кого волнуют проблемы современного российского общества.

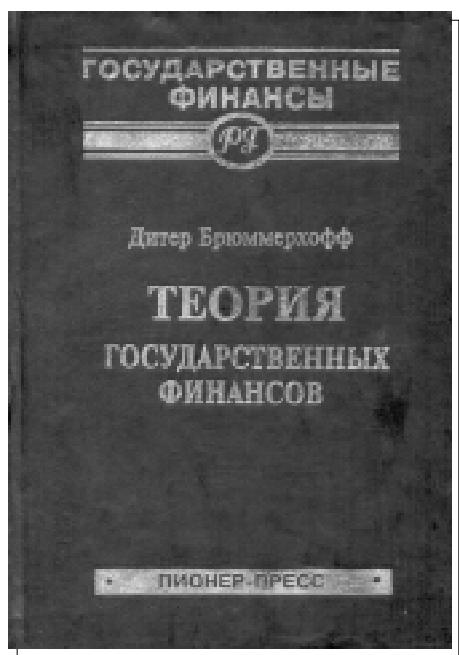
В.Д. ДЗИДЗОВЕВ,

доктор исторических наук, профессор;

Т.М. БАЛИКОВЕВ,

кандидат исторических наук, доцент.

Владикавказ, 2002 г.

Дитер Брюммерхофф. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ.

*Перевод седьмого немецкого издания. Под общей редакцией А.Л. Кудрина, В.Д. Дзгоева.
«Пионер-пресс», 2002. 458 с.*

Это первый учебник, изданный на русском языке, где органически сочетаются абстрактная теория публичного сектора и ее практическое преломление в государственных финансах, бюджетном процессе, налоговой системе, системе принятия коллективных решений в существующих демократических государствах.

И теоретик, преподаватель университета, и практик, работник публичного сектора, найдут для себя много интересного и полезного. Для студентов, которые изучают дисциплину «Экономика публичного сектора», учебник Брюммерхоффа должен стать настольной книгой.

